

Эльдар Рязанов:

Киев, правда. - 1994. - 7 сент. - с. 3.

Без меня мир был бы злее

Киев, правда. - 1994. - 7 сент. - с. 3.

ская история. И с запахом времени.

— А в 16 лет мне казалось, что знать жизнь — это увидеть Азорские острова. Я решил поступать в мореходное училище, написал в Одессу. Но почта работала плохо — 44-й год, училище не ответило. А во ВГИК попал случайно. Просто как-то на Самотеке встретил соученика, он мне объяснил, что такое ВГИК, и мы поехали туда вместе. Годик, решил, перебежусь, а потом мореходка, капитанская фуражка. Буду водить корабли и сочинять книги о том, что видел. Но учиться, оказалось, так интересно, что я забыл про мореходку и остался в кино навсегда.

— Кому из ваших учителей вы обязаны больше других?

— Многим. Но особенно Эйзенштейну. Он меня водил по книжным магазинам, открыл мир художников. Был демократичен, хотя и понимал, что он — великий режиссер. И мы понимали, но очень легко себя с ним чувствовали. А Козинцева обожали, но боялись. Он нас уничтожал едкими насмешками. Еще мне очень помог в жизни Иван Пырьев. Он был директором «Мосфильма». Худсовет во главе с Юткевичем, посмотрев отснятую полину «Карнавальная ночь», решил, что это чудовищно и безнадежно.

— В комиссию входили чиновники?

— Нет, профессионалы. Но комедия — очень своеобразный жанр. Юткевич не делал комедий. Многие члены съемочной группы, уважаемые люди, говорили Пырьеву, что меня надо снять с карти-

ны. Они были трижды лауреаты, а я — никто. Пырьев попросил Ромма посмотреть материал «Карнавальная ночь». Ромм просто падал со стула от смеха.

— А бывало когда-нибудь, что руки опускались?

— В работе? Никогда. Наоборот, я зверел, меня это заводило и выковывало характер.

— А в жизни?

— В жизни сложнее. Сейчас, после смерти жены, я совершенно не знаю, как буду жить. А работа... Я привык, я — рабочая лошадь.

— Вы говорили, что вам впервые не хочется снимать.

— Не то что не хочется — боюсь. Годков-то немало, сил потребует чудовищное количество. И если потом картина не выйдет на экран... А это от меня уже не зависит. Как в случае с фильмом «Предсказание». Он где-то шел, но большинство не только его не видело, но даже не знает, что он существует.

— А что для вас работа на телевидении?

— Естественная потребность поделиться тем, что я знаю, люблю, ненавижу. Мгновенный выход к зрителю. В кино — делаешь вдох, а выдох, может, и не последует. ТВ сейчас для меня — способ дыхания. Я не профессиональный телеведущий. Листьев, Караулов — профессионалы. Они могут говорить с любыми людьми. А я со многими не стану встречаться. Мои люди — те, кого люблю или очень уважаю.

— Кинематограф сегодня переживает не лучшие времена. Интерес к нему...

— Оживает. У людей пропадает желание смотреть отечественное кино. Амери-

канской экспансией все уже сыты. Но их ленты покупаются оптом, и они дешевле наших. Прокатчики, которые вкладывают деньги в наше кино, без сомнения, выигрывают в ближайшие год-два. Правда, наше кино перестало технически развиваться. В Америке так рванули! А мы — как при братьях Люмьер. Когда мы захотели взлететь в космос, государство отвалило денег, не считая. И мы обогнали американцев. Для развития кино нужен мощный финансовый допинг. Но у государства нет денег и на более насущные вещи. А наши третьяковы, мамонтовы и прочие морозовы пока в основном хапают в свой карман. Молодежь в дискотеку побежит, а в кино — нет.

— Вас это беспокоит?

— Мне с ними не жить уже. Но растет поколение людей, лишенное многих прекрасных сторон жизни. Жалко их.

— Вот вы — читатель...

— Бывший.

— И все же, что сейчас читаете?

— Иногда стихи. Иногда детективы. Раньше я знал, чего ждать от «Нового мира» или от «Знамени», чего — от «Нашего современника». А сейчас... Неизвестно, когда что выходит и выходит ли вообще.

— Скажите, существовала такая книга, без которой вы не были бы сами собой?

— В отрочестве «Мартин Иден» был для меня эталонной жизни. А лет в 12 я жил на даче, и так вышло, что у меня было только две книжки — «Овод» и «Три мушкетера». Я их за лето перечитал раз сто. Знал наизусть. Наверное, они оказали на ме-

ня влияние. Я — беллетрист во всех своих проявлениях. Люблю такую литературу, которая берет с первой строчки и ведет за собой. Ирвин Шоу, Мопассан. А Флобер — нет. Не могу толкнуться через Фолкнера или Распутина. Я, видно, ленивый читатель. Пассивный.

— Какие качества характера важны в вашей профессии?

— Умение добиваться своего. Не могу сказать «любой ценой», но добиваться — главное качество режиссера.

— В вас это есть?

— Выработалось. Прежде я был мямлей, размазней. Теперь в работе просто жесток. Расстаюсь с людьми, если вижу, что халтурщик или врал. Все должно быть по максимуму и хорошо. А по-настоящему в жизни это не так, постоянно выхожу из себя. Прихожу на съемку первым и раздражаюсь, потому что нет еще никого.

— Какие ваши качества вам помогают, не переходя в столкновение с действительностью?

— Легкость и отходчивость. Умею переступить через что-то. Но к моральным категориям это не относится. У меня вообще есть «кладбище», где похоронены те, кто меня предал, нанес несправедливую обиду. Некоторые — по политическим мотивам, некоторые потому, что бездарны, хотя и процветают. Никакой злобы к ним я не испытываю. Бог с ними. Живут, работают, совершают подлости — не мое дело.

— А как вы относитесь к своему возрасту?

— Плохо. У меня не нравятся. Быстро устаю. Раньше столько успевал! И фильмы

снимал, и «Кинопанораму» вел, и пьесы с Брагинским писал. Со зрителями встречался, много ходил по исполкомам, кому-то выбивая место в больнице, кому-то — квартиры, телефоны.

— Но какие-то приобретения с возрастом...

— Никаких. Я не стал умнее или талантливее. Правда, не стал бездарнее и глупее. Пока. Стараюсь следить за собой... Я не трус. Уже не трус. Раньше боялся очень многого, теперь нет. И смерти не боюсь.

— В судьбу верите?

— Если в жизни что-то состоялось, то тут три фактора: удача, сила характера и, в-третьих, думаю, отношение к жизни. Здоровое, оптимистическое. Человеческое.

— Есть ли что-нибудь, чем вы гордитесь?

— Ох, ну, тут очень длинная пауза... Про фильм — все равно, что про детей говорить. Скажем, «Ирония судьбы» или «Берегись автомобиля» видели практически все. Но горжусь? Нет, я их делал, как любой другой фильм. Старался, как всегда. Я как-то сочувствую тем своим фильмам, которые, с моей точки зрения, заслуживают более удачной судьбы, чем она сложилась... Самое главное, чем я горжусь, — тем, наверное, что незримо присутствую в огромном количестве людей. Какие-то мои опыты юмора, добра, теплоты, сердечности... Наш век, наш мир очень жесток. Вероятно, если меня бы не было, он был бы еще хуже. Это не очень скромно, но ведь человек все же может влиять на общество. Хотя бы на волосок.

Интервью взяла
Маша ТОПАЗ.

Фото ИТАР—ТАСС.

Немыслимая цифра, но это так: пятьдесят лет — полвека — он погружен в блистательный, полный притягательности, тайн и публичности киномир. Сегодня этот мир поблек, грезы переместились в другие области, и никто уже не заливает, знакомясь с девушкой: работаю в кино. Но мы помним: кинематограф был Олимпом, населенным небожителями. Эльдар Рязанов — среди них. И вместе с тем среди нас.

Кроме побочных дарований, у Рязанова четыре основные профессии. Две известны широко — режиссер и телеведущий. Но он и преподаватель, вырастивший плеяду замечательных режиссеров: Мамин, Дыховичный, Цимбал... И литератор, опубликовавший больше десятка книг. Вместе с Эмилем Брагинским он писал пьесы. Вместе и порознь — повести. И воспоминания. И еще стихи.

— В детстве я был уверен, что лучшая профессия на земле — писатель. Такого счастья, как от чтения, не испытывал ни от чего. Во имя литературы я совершил свой

первый неблагоприятный поступок — подделку документа. В библиотеках давали книги в соответствии с классом, в котором учишься. Я взял справку, что я ученик 3-го класса и переправил цифру 3 на 5. Но к концу школы понял, что на писателя не тяну — не знаю жизни. Со временем догадался, что знание быта эвакуации в годы войны и было «знанием жизни».

— Можете что-то вспомнить из впечатлений того времени?

— Ну какие впечатления... Однажды в Нижнем Тагиле меня послали на рынок за молоком. Дали, как сейчас помню, 120 рублей на один литр. Протягиваю молочнице бидон, лезу в карман — кошелек украли! Рядом дядька стоит и спрашивает: «Денег-то много было?» «Очень, — говорю, — 120 рублей». «Только-то?» Свистнул, ему бросили обратно мой кошелек: «На, пацан». И уходит. Молочница шепчет: «Я видела, как он к тебе лез, да боялась — скажу, а он как даст по моей четверти с молоком...»

— Очень кинематографиче-